

## Человек поющий

**Дмитрий Хворостовский** — о тайне своего рождения, побегах из дома, прыжках с парашютом, о том, как ему пелось в книжном магазине и что значит почувствовать себя ограбленным, о гонораре, которым он поделился с партией и правительством, и об извечной русской болезни

Андрей Ванденко

Вечером на сцене Венской оперы Хворостовский — Риголетто безутешно рвал душу над холодным телом Джильды, а после, когда занавес опустился, отстраненно внимал бешеной овации зала. На следующее утро наш герой, отправив жену Флоранс выпить чашечку-другую знаменитого венского кофе в компании подруги, принялся пересказывать историю своей необычной жизни. Специально для читателей «Итогов»...

**— Что вы почувствовали, Дмитрий, когда шагнули из открытого люка в бездну?**

— Такой простор ощутил и радость от свободного парения в небе! Мы же перед этим долго поднимались вверх на старом, еле дышавшем и, казалось, рисковавшем рассыпаться на куски прямо в воздухе самолете. В его фюзеляже зияла огромная дыра, куда при желании можно было просунуть не только руку, но и голову. Честно говоря, когда увидел эту развалюху, стало немного не по себе. Все же первый в жизни прыжок с парашютом хотелось совершить с надежного воздушного судна! Мы-то наивно полагали, что обратились в серьезную фирму, занимающуюся организацией подобных полетов, а в действительности нарвались на каких-то прохиндеев. Дело происходило в декабре прошлого года во Флориде. Подняться со мной в воздух и потом спуститься на землю собиралась Анн Зифф, наша с женой хорошая подруга. Зифф — очень известная в Америке фамилия, семья миллиардеров. Анн раньше уже прыгала с парашютом, но решила составить мне компанию, так сказать, морально поддержать. Первые сомнения стали нас посещать, когда мы увидели название улицы, ведущей от Форт-Лодердейла к аэродрому: Flying Cow Road — «Дорога летающих коров». Нас встретили две старые алкоголички, от которых за три версты неотразимо несло перегаром. Меланхолично пожевывая жвачку, они неторопливо собирали парашюты. Я посмотрел на красные, испитые физиономии теток и осторожно поинтересовался, не нас ли почтенные дамы готовят в полет. Ответ последовал положительный: именно вас! Честно скажу: я испугался. Но оказалось, это лишь начало. Из ангара вышли несколько парней, по виду тоже явно после хороших возлияний накануне, но хотя бы помоложе парашютотюкладчиц. Без всяких лирических вступлений нам включили видео и сказали: «Готовьтесь!» Ролик продолжался минут пять, на этом предполетный инструктаж закончился, и я обреченно побрел к самолету, по дороге еще раз проявив вежливое любопытство: «Простите, а где наши комбинезоны?» Услышал обескураживающее: «На фига? И так прыгнешь!» Больше я вопросов не задавал... Сели мы и полетели. Флоранс осталась ждать внизу. Мой напарник во время спуска с десяти тысяч футов снимал происходящее на видеокамеру, прикрепленную к его вытянутой руке. Потом я неоднократно смотрел эту съемку и поначалу никак не мог понять, что же делает в полете партнер по тандему. Лишь позже разобрал: оказывается, он зевает! И явно не для того, чтобы продуть заложенные от перепада высот уши. Ему было откровенно скучно, человек до смерти устал от чайников-туристов! Я представил: у него за плечами, наверное, тысяч тридцать таких прыжков, а то и больше...

Примерно половину расстояния до земли мы пролетели в свободном падении, и это был настоящий кайф! Потом раскрылся спортивный парашют-крыло и начался спуск планирование под разными углами — вправо-влево, вправо влево... На этих качелях меня, должен признаться, немного укачало, даже замутило. Словом, надо бы повторить попытку. Для закрепления пройденного материала.

Доволен, что сделал это! Однажды Анн рассказывала о своем первом прыжковом опыте, и я в шутку бросил фразу, что тоже хотел бы попробовать. Тем самым отрезал себе путь к отступлению. Я ведь с детства боюсь высоты. Не так чтобы панически, но все же. Стремясь побороть страх, взбирался на деревья и с риском свернуть шею, зажмурившись, прыгал оттуда. Даже бросался на землю с крыш гаражей и из окон второго этажа. Словом, всячески воспитывал волю, тренировал силу духа, но, знаете, не слишком преуспел. И сегодня чувствую себя не в своей тарелке, когда выхожу на балкон и смотрю вниз. В силу профессии многократно взлетал в театре на колосники, висел на канате, проделывал другие акробатические трюки, но при этом всякий раз испытывал уже знакомые ощущения из категории не самых приятных. В детстве лишь тем и занимался, что постоянно преодолевал всевозможные страхи. Помню, как в три года сильно заболел, лежал в кровати в бреду, и мне мерещилось, будто из-под елочки кто-то устрашающе шепчет какие-то слова. Я натягивал одеяло на голову, звал маму и жаловался ей: «Там шепот живет...» В общем, ребенком я был боязливым и более всего на свете хотел превратиться из нежного музыкального мальчика в сурового и смелого пацана. Для этого мог ночью уйти один в лес. Летом мы обычно жили на даче, и я, не предупреждая взрослых, шел, куда глаза глядят. За каждым кустом и стволом дерева в темноте мне чудились волки и медведи, но я мужественно двигался только вперед...

Еще я без конца участвовал в драках. Это началось в детском садике. Вернулся после лета, а меня уже ждали. И явно не с лучшими намерениями. Спасибо папе: он словно предчувствовал подобное развитие событий и научил меня правильно бить, жестко фиксируя кулак, хотя сам ни разу в жизни не тронул ни одного человека. Словом, я пришел в детсад и на глазах у честной публики поочередно вырубил обидчиков, отправил их в нокадаун. Воспитательница в качестве наказания поставила меня в угол, но я чувствовал себя победителем. С тех пор пацаны предпочитали лишний раз со мной не связываться...

Не забуду и первый день в школе. По случаю торжества бабушка нарядила меня как именинника, даже раздобыла где-то форменный пиджак с фуражкой и в таком виде отправила на уроки. А я тогда только-только начал носить очки, выписанные окулистом из-за катастрофически слабого зрения. Не успел зайти в класс, как кто-то из пацанов обозвал меня четырехглазым — и моментально получил по рогам. Тут же началась потасовка, плачевно закончившаяся для моей экипировки. Пиджак и фуражка были разодраны в клочья. В итоге меня насильно усадили за первую парту, откуда можно было хотя бы что-то различать на доске, но я принципиально отказался там сидеть и перебрался на камчатку, откуда не видел ничего, поскольку очки тоже категорически отверг. В общем, мое детство запросто могло пройти в сплошных мучениях и боях. При том что я человек по натуре мирный и отнюдь не воинственный. К счастью, в семь лет меня отвели в музыкальную школу, и это стало настоящим спасением.

Музыку я всегда очень любил, обладал прекрасной памятью, великолепным слухом и, видимо, неплохим пианистическим аппаратом, но первая учительница почему-то сильно гнобила меня,

держала в черном теле, а я был мальчиком нежным и трепетным. По сути, она напрочь отбила желание играть. Лишь через несколько лет в педагогическом училище я попал в руки к молодой преподавательнице, которая сказала, что у меня отличные данные для игры на фортепиано. Этого оказалось достаточно, чтобы я начал усиленно заниматься и вскоре победил на местном конкурсе исполнителей, стал его лауреатом. Слова поддержки произвели со мной магическое действие! Впрочем, похвала важна для любого ребенка, а родители не слишком баловали меня этим в детстве. Да и сейчас скупятся, редко хвалят. Не говорю, хорошо это или плохо — они выбрали такой стиль общения. В нашей семье не принято говорить высокопарных и громких слов, но я прекрасно знаю, что родители всегда были и остаются моими верными союзниками и единомышленниками.

Когда они познакомились, мама училась в медицинском институте Красноярска, а папа там же, но в технологическом. Первая их встреча случилась на каком-то межвузовском вечере, где отец играл на рояле, а мама пела. Тогда это было модно. Думаю, родители надеялись, что любовь к музыке достанется мне по наследству, но я родился семимесячным, поначалу у меня не смыкались пальчики. Особенно негибким оказался большой. Впервые увидев его, папа заплакал... Должно быть, решил, что я никогда не смогу играть на фортепиано. Но мама продолжала делать разрабатывающий суставы массаж, ставила какие-то сложные компрессы и в итоге победила, добилась своего: подвижность кистей и пальцев вернулась. Про таких, как я, американцы говорят: сэвайвер — выкарабкивающийся, цепляющийся за жизнь...

Зато в юности родители хлебнули со мной прилично. Из паймальчика годам к пятнадцати я превратился в своенравного и упрямого подростка. Пару лет пел в рок-группе, даже недолго подрабатывал в ресторане, чем приводил в ужас отца, тщетно взывавшего к моему разуму и чувствам. В итоге я заявил родителям, что устал от их опеки и уезжаю на БАМ. Тогда папа взял меня за руку и отвел на дирижерско-хоровое отделение Красноярского педучилища, куда брали, извините, всех, кто в штанах. Там исторически было мало мальчиков... Раз поступил, надо учиться. На занятиях мы часто и подолгу занимались вокалом, каждый день по два-три часа пели в хоре, и буквально через несколько месяцев я заболел классическим пением. На протяжении следующего года эпизодически еще играл с какими-то рок-группами, но потом окончательно завязал, переключившись на серьезную музыку. За короткое время мой голос сказочно раскрылся и вырос. Без тени кокетства могу сказать, что во многих житейских ситуациях по-прежнему ощущаю себя смущенным провинциалом. Но только не на сцене. Там я бог и король. Почувствовал это рано, еще когда маленьким мальчиком пел для бабушкиных гостей, а они заворожено слушали. Помню, как переживали абитуриенты, поступавшие вместе со мной в Красноярский институт искусств. Они волновались, суетились, а я мысленно рисовал образы, которые собирался создать перед приемной комиссией. Уже тогда я пел Онегина, графа ди Луна, Елецкого, что выглядело неслыханной наглостью. У нас дома была прекрасная коллекция пластинок с записями лучших оперных певцов мира, собранная отцом. Я слушал великолепных исполнителей и впитывал их голоса, как губка. Своим рождением на свет я обязан маме, а творческой судьбой — папе. Он беззаветно любит музыку, прекрасно разбирается в ней, отлично играет на рояле, великолепно поет, хотя и не стал профессионалом. То, что мне удалось реализовать себя на сцене, в какой-то мере осуществление его мечты. В детстве я подражал отцу, хотел быть на него похожим. Мы даже пишем одинаково. У мамы идеальный почерк, очень красивый, правильный, но — другой. А мой

от папиного почти не отличить. И голоса наши по телефону многие знакомые до сих пор часто путают...

В Красноярске мы жили весьма скромно. Вы же помните, сколько зарабатывали советские врач и инженер. Среднестатистические 120—140 рублей в месяц. На такую сумму особенно не разгуляешься. Из аппаратуры у нас был простенький проигрыватель «Аккорд», но, что характерно, чувство обделенности или ущербности у меня не возникало. Ведь тогда многие имели схожий достаток. В училище я стал получать стипендию и почти все деньги тратил на грампластинки. На втором курсе института уже пел на сцене краевого театра оперы и балета. Первая моя партия — Марулло в «Риголетто». Студентов младших курсов редко приглашали в труппу, я был взят в виде исключения. Чувствовал, что готов к серьезной работе, рвался в бой, чем нарушал привычный порядок вещей. Ведь в советском репертуарном театре существовала четкая, отработанная за долгие годы система распределения ролей. Самые сладкие и лакомые куски доставались партайгеноссе и его ближайшему окружению. Молодым на сцене традиционно отводилась участь «моржей» с репликами из серии «Кушать подано»... Но я не хотел становиться в конец длинной очереди и терпеливо ждать, пока придет мой час! За пять лет спел в Красноярске практически все ведущие роли для баритона. В труппе любили меня и баловали, чем, не скрою, иногда пользовался...

Кроме работы в театре, я подрядился петь под рояль в книжном магазине общества «Знание», где проводил литературно-музыкальные вечера профессор университета Лозинский, любивший оперу и хорошо разбиравшийся в ней. Очень интересный человек и прекрасный рассказчик! Евгений Андреевич много раз бывал у нас дома. Именно Лозинский принес мне полуслепую копию булгаковского «Мастера и Маргариты», нелегально отпечатанного на пишущей машинке. Кстати, и в книжном в качестве гонорара за выступления мне бесплатно или с солидной скидкой давали дефицитную тогда литературу. Еще я пел в Красноярской филармонии. Там меня тоже опекали, холили и лелеяли. После победы в 1988 году на международном конкурсе вокалистов в Тулузе краевые власти без очереди предоставили мне квартиру в центре, по соседству с филармонией. Распоряжение о выделении жилплощади подписал лично первый секретарь крайкома КПСС товарищ Шенин. Родители и сейчас живут в той квартире. Раньше у них была скромная кооперативная «двушка», которую они смогли купить лет через десять после женитьбы...

**— Значит, «оквартирили» вас за Тулузу? Но ведь до того было звание лауреата, полученное на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки.**

— Да, в 87-м году. В Баку я ехал за победой, абсолютно не сомневался в успехе. Говорю же: я был наглым, гордым и самоуверенным молодым человеком. Собирался забросать всех шапками. Сибирскими. Наверное, стоило вести себя скромнее, но я верил в свои силы. Все-таки за моими плечами были уже три сезона в оперном театре. Впрочем, действительность была не столь линейна, как казалось со стороны. На конкурсе бурлили подводные течения, различные кланы двигали вперед собственных фаворитов, и лишь я не знал в жюри ни единого человека. Может, оно и к лучшему. Меньше нервничал, спокойнее спал. Не будучи посвященным в закулисную борьбу, я решал исключительно творческие вопросы. Программа конкурса была сложнейшая, в нем принимало участие огромное количество молодых певцов, но я справился с поставленной задачей, получил первую премию.

К Тулузе еще крепче проникся чемпионским духом. Во Францию из Москвы полетели не только конкурсанты, но и две сотрудницы Комитета государственной безопасности, официально числившиеся представительницами Госконцерта. Одна из них владела французским языком и помогала мне ставить произношение, а вторая... Вторая была начальницей первой. Помню, когда наша мощная компания заехала в гостиницу и все тут же дружно включили кипятильники, принявшись готовить по номерам обед, разводить суп из пакетиков, свет моментально вырубился. Электрические пробки в отеле не были рассчитаны на подскочившее напряжение. Почему-то именно я отправился чинить поломку. Справился...

Конкурс проходил в три тура и продолжался недели две. Моя концертмейстер Людмила Курицкая все это время варила мне какие-то каши, стараясь подкармливать... Хотя я и верил в победу, но работал в Тулузе очень много, постоянно репетировал. Особое внимание уделял языку, по-французски ведь петь необычайно трудно. Мы готовили арию Валентина из «Фауста». И вдруг за несколько дней до выступления меня услышал Рольф Либерман, председатель комиссии и тогдашний директор «Гранд-опера», и сказал, что у нас неправильный перевод с итальянского, текст на французском не совпадает с классическим вариантом. Я очень расстроился, надо было что-то срочно менять, и мы остановились на арии Елецкого, которая в итоге оказалась моей trade mark, визитной карточкой... Забавный эпизод приключился на награждении. На сцене мне торжественно вручили красивую вазу и конверт с денежной премией. Я стоял в лучах прожекторов и наслаждался моментом славы. Вдруг услышал громкий шепот из-за кулис: «Хворостовский! Не стой! Сюда иди! Деньги неси!» Команды подавала старшая из представительниц Госконцерта. Она сильно переживала, чтобы я не сбежал с гонораром, не поделившись полученным с партией и правительством. Какое ей было дело до триумфа этого сибирского валенка, открывшего рот от счастья? Человек находился при исполнении и желал срочно выполнить поставленную Родиной задачу! Конечно, никуда я не делся, безропотно отдал половину премии, а на оставшиеся двадцать тысяч франков (если не ошибаюсь, это около трех тысяч долларов, астрономическая сумма для меня по тем временам!) накопил на рынке Тулузы гору шмоток и подарков родным. Люда Курицкая помогала выбирать...

После Франции был телеконкурс BBC «Певец мира» в Кардиффе. Сказать по правде, я не хотел туда ехать, склонялся в пользу Барселоны, где призовой фонд для лауреатов был повыше. Вел себя как классический легионер, выбирал, где больше платят. Да и название столицы Каталонии звучало для моего уха более музыкально. Признаться, слабо представлял, где этот Кардифф находится. Но тут в дело вмешалась Ирина Архипова, заприметившая меня еще на конкурсе Глинки. Тогда она заплодировала после моего выступления в первом же туре, что в общем-то было не принято у членов жюри. Я почувствовал поддержку Ирины Константиновны, и моя гиперуверенность только увеличилась... Словом, Архипова благоволила ко мне с Баку, по сути, вела, опекала. Она была для нас, молодых российских певцов, непререкаемым авторитетом и примером для подражания. Мы ее обожали! Ирина Константиновна пела совершенно потрясающе, по ней, как по Паваротти, можно было учиться, словно по книжке или конспекту. Перед Кардиффом она мне сказала: «Дима, надо! Это телевизионный конкурс, BBC покажет его в прямом эфире по всему миру. Ты комплексный певец, никого другого от России отправить туда не могу. Даже не раздумывай». Я взял под козырек и поехал. В том году в конкурсе участвовал Брин Терфель, ныне оперная звезда первой величины. Но он младше меня на пару-тройку лет, а в молодости это дистанция. Брин решил петь на конкурсе Вагнера и смотрелся совсем уж зеленым

юнцом, я же остановился на любимом Чайковском и Верди... Конечно, поддержка у Терфеля была фантастическая, публика с ума сходила, стоило ему появиться на сцене. Он ведь валлиец, местный, а у малых народов самолюбие гипертрофированно, это хорошо известно. К счастью, окончательное решение зависело не от зрителей, а от жюри... Наверное, в мою пользу сработало и то, что я хорошо выглядел в кадре, внешне выигрывал на фоне пухлого Бриана, обликом более напоминавшего регбиста, а не оперного певца.

**— К тому моменту вы уже поселились?**

— Как говорится, salt & pepper. На Западе меня увидели таким и запомнили. Буквально через день после победы в Кардиффе я поехал в Лондон и через сутки уже пел на прослушиваниях, не очень понимая, кто сидит передо мной, что может произойти в дальнейшем. Я был молодым и неопытным щенком, не знал, что можно делать, а чего не стоит, не представлял, как вести себя и правильно строить карьеру... Помню, дал большое интервью престижному журналу Орега, встретился для подписания контракта с директором Philips Classics. И все понеслось со скоростью экспресса. Меня взяли совсем тепленьким...

**— Вы даже импресарио не обзавелись?**

— В Кардиффе после первого тура ко мне обратился Марк Хилдрю и предложил сотрудничество. Опять-таки благодаря Архиповой. Ирина Константиновна лично знала Марка и вполне ему доверяла. С тех пор мы вместе. Марк — мой ровесник, он работал с Максимом Венгеровым, Паатой Бурчуладзе, Марией Гулегиной, другими известными музыкантами и певцами.

**— И все же первые контракты оказались коммерчески не слишком выгодны для вас?**

— Послушайте, у меня не было ничего, а тут предложили реальные деньги! Ну что, по-вашему, я имел в Красноярском оперном театре? Сто пятьдесят рублей зарплаты плюс продуктовый набор к празднику. Все! О чем рассуждать? На Западе за каждую запись мне платили пусть небольшую, но сумму в конвертируемой валюте. И, кстати, не требовали отдать половину в государственную казну. Да, приходилось идти на определенные уступки. К примеру, ни до, ни после не исполнял «Сельскую честь» Масканьи, но в Philips Classics сказали: «Надо!» Когда попробовал возражать, на меня цыкнули, показав контракт. И назвали имя партнеров: Джесси Норманн и Джузеппе Джакомини. Спел, никуда не делся! Зато в какой стране мира ни появлялся бы, везде меня встречали представители Philips, опекали, помогали. Мне всегда было с ними комфортно и удобно. Но это имело место позже, а тогда, в 89-м, после собеседований в Лондоне я полетел напрямиком в Комсомольск-на-Амуре, где гастролировал мой театр оперы и балета, и влился в родной трудовой коллектив. Впрочем, я прекрасно понимал, что отныне смогу работать в России лишь в Большом или в Кировском. В Петербург меня не звали, а из Москвы после конкурса Глинки прозвучало предложение от тогдашнего руководителя Александра Лазарева: попробовать себя в качестве стажера либо приглашенного солиста. Я выбрал второе, но меня так ни разу и не пригласили. Даже не пытались, если говорить честно. И слава богу!

В самом начале 90-х я обзавелся собственной жилплощадью в Москве, где продолжал регулярно давать концерты. Квартиру в доме рядом с Театром Российской армии мне помогли получить многие люди — от Ирины Архиповой до тогдашнего зампреда Моссовета Сергея Станкевича и президента Бориса Ельцина, еще в 1991 году вручавшего мне Госпремию. Но постепенно я стал

все больше времени проводить на Западе, пел в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Милане, а Россия служила, по сути, местом, куда приезжал, чтобы повидаться с женой и детьми. В результате в 94-м мы все вместе перебрались в Лондон.

**— Наверное, к этому вас подтолкнуло и случившееся незадолго до отъезда ограбление московской квартиры?**

— Фактически там жил не я, а моя первая семья... Вы же помните, что творилось в России в 90-е годы. Здесь было темно. В буквальном и переносном смысле...

К счастью, в момент ограбления в квартире никого не оказалось, иначе могла бы случиться беда. Воры перевернули все вверх дном. Дело даже не только в украденном, было неприятно сознавать, что чьи-то грязные руки рылись в вещах... Пришлось обращаться за помощью к друзьям, которые в мое отсутствие взяли на себя заботу о безопасности семьи. В квартире постоянно находился посторонний человек. Это гарантировало защиту от бандитов, однако и изрядно напрягало, создавая определенные неудобства для жизни. Я был рад разрубить гордиев узел и уехать из России с концами...

Если говорить о девяностых годах в целом, у меня остались не самые приятные воспоминания о них. Я ведь пьянствовал тогда, пил часто и помногу, поэтому и сегодня вижу завершающее десятилетие прошлого века через пелену винного угара.

Иногда думаю, что русский человек не может иначе, разудалый стиль поведения заложен у него в крови, запрограммирован на генетическом уровне. Но то, что сходит с рук в молодости, когда внутренние ресурсы организма не растрачены, грозит обернуться серьезными проблемами в зрелые годы. Надо уметь ставить точку. А многие мои коллеги по сцене, в том числе настоящие таланты, не знают меры, продолжают пить, пить, пить. Финал всегда один... Я тоже человек без тормозов, иногда начинал и не мог остановиться, использовал любой повод, чтобы приложиться к стакану. В какой-то момент стала отказывать память, я не всегда контролировал свои поступки. Это был уже тревожный сигнал. До определенного момента дарование позволяло выходить сухим из воды, но так не могло продолжаться вечно. Марк Хилдрю берег мое самолюбие и делился не всей информацией, но я чувствовал, что проблемы в работе есть. Понимал, что угроза потери профессии становится абсолютно реальной. Боже, сколько опрометчивых шагов, ошибочных поступков совершил я в то время! Не хочу погружаться в неприятные воспоминания, но, чтобы закрыть тему, скажу, что с тех пор перестал ездить в некоторые места. Не могу переступить через себя, стыдно за то, что натворил там когда-то. Казалось бы, столько лет прошло, надо уже забыть. Я бы и рад, да вот не получается... Счастье, что сумел остановиться, не сгинул. В начале 2002 года окончательно бросил пить. Собственно, с того момента, как встретил Флоранс, моя жизнь изменилась к лучшему. Это она меня спасла, Флоша...

Вена — Москва

Досье

**Дмитрий Александрович Хворостовский**

• Народный артист Российской Федерации, лауреат Госпремии России, почетный гражданин Красноярска и Кемеровской области.

- Родился 16 октября 1962 года в Красноярске. Отец — Александр Степанович. Мать — Людмила Петровна. Супруга — Флоранс. Четверо детей от двух браков.
- После окончания Красноярского педучилища имени А. М. Горького и Красноярского института искусств Хворостовский с 1985 по 1990 год был солистом Красноярского государственного театра оперы и балета. В 1987 году стал лауреатом 1-й премии на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени М. И. Глинки, а через год был удостоен Гран-при на Международном конкурсе вокалистов в Тулузе (Франция). В 1989 году Дмитрий победил на телевизионном конкурсе ВВС «Певец мира» в Кардиффе (Великобритания), завоевав титул «Лучший голос».
- С 1990 года имеет ангажементы в лучших оперных театрах мира, продолжая поддерживать тесные музыкальные связи с Россией. В последние годы он пел в Красноярске, Самаре, Омске, Казани, Новосибирске, Кемерово, Владивостоке, Хабаровске...
- 10 декабря в Кремле пройдет очередной концерт из цикла «Дмитрий Хворостовский и друзья». В этот раз певец выступит вместе со всемирно известным сопрано Екатериной Сюриной и тенором Чарльзом Кастроново.

**2010 Декабрь 13 журнал Итоги №50 / 757 / Искусство и культура / Спецпроект**

## **Человек поющий**

**Дмитрий Хворостовский — о том, чем жене пришлось пожертвовать ради него любимого, почему не сложилось с Элтоном Джоном, но получилось с Игорем Крутым, об обстоятельствах знакомства с Вячеславом Фетисовым и о том, держит ли на него обиду Пласидо Доминго**

Андрей Ванденко

В минувшую пятницу вместе с Екатериной Сюриной и Чарльзом Кастроново он пел на сцене Государственного Кремлевского дворца. Сегодня Дмитрия Хворостовского и его звездных друзей ждут в Санкт-Петербурге, на очереди — Екатеринбург... Самый, пожалуй, знаменитый баритон России продолжает турне по родной стране, а журнал «Итоги» завершает публикацию беседы с ним, начатую в предыдущем номере.

**— Мы прервали разговор на том, что появление Флоранс изменило вашу жизнь, Дмитрий.**

— Так и есть! Это свет, необычайный свет! Когда моя бабушка незадолго до смерти впервые увидела Флошу, она сказала: «С небес спустился ангел. Господь послал тебе, Дима, эту женщину, держись за нее, непусти». Стараюсь... Я познакомился с Флоранс в самом начале 1999 года в Женеве, куда приехал петь Дон-Жуана. Вместе с Марком Хилдрю мы искали в Европе маленький, не слишком приметный театр, где можно было бы обкатать новую для меня роль. Остановились на Женеве. Фло играла одну из любовниц моего героя, я должен был целоваться с ней на сцене. На репетиции честно предупредил: «У меня жена и двое детей». Она отреагировала абсолютно искренне и подкупающе непосредственно: «Ну и что?» В самом деле, ну и что? Теперь мою жену зовут Флоранс и у нас с ней двое детей... Любовь — такая непредсказуемая штука! Повторю: с Флошей моя жизнь радикально изменилась, засияла яркими красками, обрела новый смысл. Мне и думается, и дышится, и поется легко. Всегда искал внутренний баланс, он очень важен для меня,



теперь нашел, и все встало на свои места. Фло не из тех, кто давит. Она позволяет мне быть самим собой, с большим пиететом относится к тому, что делаю в профессии.

— **Раньше этого не было?**

— Не хочу никаких параллелей с прежней жизнью, все сравнения будут явно не в пользу прошлого! Слишком больно и трудно расставался с ним, чтобы сейчас заново ворошить... Достаточно сказать, что в какой-то момент я едва не лишился жизни из-за волнений и душевных потрясений, вызванных разводом. На нервной почве у меня случилось прободение язвы, открылось сильнейшее кровотечение, я потерял несколько пинт крови и на глазах у Флоши стал слабеть, терять сознание. Спасла мама, она ведь врач по профессии. Я позвонил из Хьюстона, где тогда пел, в Красноярск, из-за разницы во времени разбудив маму среди ночи, она по описанным симптомам сразу поняла, о чем речь, и сказала, чтобы немедленно вызывал «скорую помощь». Меня тут же госпитализировали... Фло не отходила от моей постели, пока лежал под капельницей. Она трепетная и нежная, но одновременно сильная и волевая. И наши дети похожи на нее: такие же теплые и чистые. Я отношусь к ним не как отец, а как... дед. Папы ведь бывают строгими, а деды всегда добрые. Внуков обычно балуют, закармливают конфетками, заваливают подарками, зацеловывают и облизывают с головы до пят. Наверное, со стороны произвожу впечатление безумного родителя, но я-то знаю, что Максим и Нина стоят такой любви. Конечно, в школе они становятся немножко иными, трудно не измениться, живя в англосаксонском мире, не получить хотя бы минимальную дозу холодности и отстраненности, но дома Нина и Максим моментально оттаивают. Нет, когда вижу Сашу и Даню, тоже сразу начинаю тискать их, обнимать, ласкать, и они становятся моими... Впрочем, в отношениях между старшими детьми все очень непросто. Они совершенно разные, хоть и двойняшки. Говорят, так во всех тандемах: не бывает двух зеркально похожих половинок. Великодушный, по-своему мудрый мальчик, ведущий себя с сестрой, как настоящий джентльмен, и колкая, ершистая, неудовлетворенная собою девочка... Наверное, мог бы повлиять на них, если бы мы больше времени проводили вместе, но в Лондоне я бываю от силы месяца полтора кряду, потом обязательно уезжаю куда-нибудь. Вот сейчас репетировали в «Ковент-Гарден» «Риголетто», в следующем году будет «Фауст». В остальное же время удается побыть дома неделю, максимум дней десять. Конечно, этого мало, чтобы заниматься системным воспитанием детей. Утешаю себя, что Саша с Даней подрастут, и все изменится само собой. Ведь и мои отношения с отцом тоже стали качественно иными именно после того, как я вырос. Между нами возникла настоящая мужская дружба.

...Дети и все, что с ними связано, для меня особая тема. И не только в случае, когда речь идет о собственных чадах. В начале декабря впервые побывал в Тбилиси, где пел на благотворительном вечере, организованном Паатой Бурчуладзе. Он регулярно устраивает подобные концерты, помогая вырученными от продажи билетов деньгами воспитанникам детских домов, тем, кто остро нуждается в поддержке. Когда Паата обратился, не смог ему отказать, хотя и прекрасно осведомлен о сложностях, существующих в отношениях между Россией и Грузией. Чтобы не создавать никому дополнительных проблем, прилетел в Тбилиси по английскому паспорту. Какая разница? Речь ведь шла об акции милосердия...

— **Вы, кажется, дружны и с Павлом Астаховым, новоиспеченным детским омбудсменом?**

— Да, и из-за этого назначения теперь реже встречаемся. Павел ведь мотается по делам подопечных не меньше, чем я по гастролям. Летом вот виделись в Монте-Карло, а так он ездит по

Дальнему Востоку, Чечне, Сибири... Трудная работа, но благородная. Не сомневаюсь, Павел прекрасно с ней справится. Он ведь юрист высочайшей квалификации, отличный семьянин, отец трех замечательных сыновей. Старший из них окончил университет в Нью-Йорке, средний учится в МГИМО, а Арсению всего годика полтора, он младше моей Нины! Помню, какими глазами Паша и его жена смотрели на нашу кроху, я буквально физически ощущал, до чего же сильно Светлана мечтает еще раз познать счастье материнства, и Бог послал ей третьего сына...

— **Вы по-прежнему настаиваете, чтобы первым языком у ваших детей был русский?**

— Они и есть русские! Даже больше. Ангелы во плоти! Стучу по дереву, чтобы не сглазить. Сам всегда говорю с ними по-русски, Флоша прекрасно выучила язык. Если надолго уезжаем куда-то и знаем, что жена будет занята со мной, берем в поездку русскую няню или на месте находим бебиситтера из числа бывших соотечественниц. Непременно говорливую, с хорошо подвешенным языком и сильным характером, иначе дети моментально согнут ее в бараний рог. Скажем, Марину нам порекомендовали в Хьюстоне в местном театре, и теперь всегда вызываем ее, когда отправляемся в Америку. И в Лондоне тоже взяли человека по рекомендации. А как иначе? Ведь постороннего в дом не пустишь. Круг нашего с Фло общения в Англии весьма ограничен, по крайней мере русских в этом списке немного. Никого сознательно от себя не отталкиваю, но так вот сложилось. Диаспора обычно кучкуется вокруг каких-то клубов, храмов, а я в церковь не хожу, в Бога не верю, хотя и могу перекреститься перед выходом на сцену... Словом, отрезал от себя русскую тусовку в Лондоне на корню и не испытываю из-за этого проблем или угрызений совести... Конечно, с кем-то давно поддерживаю контакты, но их имена вряд ли вам много скажут. Из людей известных, с которыми познакомился на Западе, могу упомянуть Славу Фетисова. Знаю его с 90-х годов прошлого века по Нью-Йорку. Он тренировал «Нью-Джерси Дэвилз», а я часто пел в «Метрополитен», по несколько месяцев в году. В ту пору многие наши соотечественники встречались в «Русском самоваре». Было время, и я регулярно захаживал в этот ресторан, едва ли не каждый вечер. Там собиралась элита русского общества, жившего в Нью-Йорке, — Иосиф Бродский, Михаил Барышников, Эрнст Неизвестный... Знаменитости, прилетавшие в Штаты из России, тоже шли в «Самовар», это стало частью обязательной программы, традицией. Там я впервые увидел Михаила Жванецкого, Никиту Михалкова, туда же, в «Самовар», приводил американских друзей, чтобы они посмотрели, как по-настоящему гуляют русские. Именно в этом ресторане нередко проходили мои вечеринки после успешных спектаклей, там мне случалось засиживаться до трех-четырёх часов ночи и дурным голосом орать под рояль всякие блатные песенки типа «Раз пошли на дело я и Рабинович...» В последние годы бываю в «Самоваре» реже и реже, не скажу, будто обхожу его стороной, но я уже рассказывал, что с момента знакомства с Фло веду иной образ жизни, и в этом ресторане мне теперь вроде бы как нечего делать... Тем не менее для многих русскоязычных обитателей Нью-Йорка он по-прежнему остается культовым местом, которое перестало восприниматься как банальная точка общепита или даже гастрономический объект, превратившись скорее в творческий клуб. В этом безусловная заслуга Романа Каплана, бессменного совладельца ресторана, купленного и открытого, как известно, на часть Нобелевской премии Иосифа Бродского. Каплан удивительным образом спланирует вокруг себя публику, является душой любой компании. Надо бы мне при случае заглянуть в «Самовар», знаю, Рома ждет, обижается, что не захожу. Вот с кем вам стоило бы побеседовать! Каплан знает массу невероятных историй, он прекрасный рассказчик. Правда, захочет ли раскрывать чужие тайны...

Многими интересными знакомствами я обязан Котику, Константину Орбеляну. Он, как и Каплан, обладает уникальным умением сводить, сближать порой совершенно разноликих, непохожих друг на друга по характеру и по роду деятельности людей. Именно Котик в свое время познакомил нас с семьей Барщевских, где было сразу два кинорежиссера — отец и сын. Антон загорелся идеей снять меня с Фло в сериале «Тяжелый песок» по мотивам одноименного романа Анатолия Рыбакова, к работе над которым тогда приступал. Я от предложения сразу отказался, поскольку эпизодических ролей не играю. Попросту не могу. Барщевский же считал, что не надо приглашать профессиональных актеров, лучше правильно подбирать типажи. Впрочем, этой теории придерживаются многие, она пользуется сегодня популярностью. Так что вместо меня в картине снялся Дмитрий Ситковецкий, скрипач и дирижер, тезка и, можно сказать, земляк. Дима тоже в Лондоне живет, где мы иногда встречаемся. Он и целовался в кадре с моей женушкой... Пробы проходили на «Мосфильме», мне было приятно, как Фло с листа стала импровизировать на чужом для нее русском языке, абсолютно органично и спокойно вошла в кадр, не испытывая зажима перед камерой, не тушуясь рядом с настоящими драматическими артистами. Снимался фильм в Черниговской области Украины. Фло ездила туда с мамой, на целый день уходила на съемочную площадку, а моя теща итальянка оставалась одна, гуляла по городу Щорсу и прекрасно себя чувствовала. Словно на родине! Меня в кино в последнее время не зовут, все на уровне разговоров и благих пожеланий. Чтобы этим заниматься серьезно, надо вести иной образ жизни. Я же все подчинил музыке, на остальное не остается ни сил, ни терпения.

**— А как в вашей жизни возник проект «Дежавю» с Игорем Крутым?**

— Если говорить до конца откровенно, я должен думать, чем буду заниматься, когда перестану петь на оперных подмостках. Можно гнать от себя подобные мысли, закрывать глаза, но жизнь все равно заставит считаться с реальностью. Голос ведь не бесконечен. Связки — такая же мышца, как и другие, с годами она теряет гибкость, эластичность... Совсем уходить со сцены не собираюсь, надеюсь пропеть до последних дней жизни, хотя бы еще лет двадцать, но позаботиться о расширении творческой палитры нужно уже сейчас. Новые жанры, которые пробую, — это своеобразный бросок в будущее. Я сам предложил сотрудничество Крутому. Можно сказать, даже настаивал, чтобы мы попробовали что-нибудь сделать вместе.

**— Хотя Элтону Джону отказали, когда уважаемый сэр обратился к вам.**

— Он сказал, мол, звоните при случае. Это прозвучало двусмысленно и неопределенно. Честно говоря, привык, что звонят мне. Но, допустим, даже сделал бы первый шаг — и что дальше? Спрашивать о погоде и самочувствии? Или просить о чем-то? Есть в этом какая-то неловкость. По крайней мере, я так ощущаю. С Игорем все получилось легко и естественно. Мы познакомились в Майами, куда я с Флошей и детьми регулярно приезжаю на отдых и где у Крутого дом. Рядом с Фло я становлюсь более контактным, открытым, теплым. Она лучше видит и чувствует людей, смотрю на ее реакцию и делаю выводы. Игорь сразу очаровал Флоранс. Женщины любых национальностей и возрастов его обожают. Мы несколько раз, что называется, нос к носу столкнулись в каких-то приморских ресторанах, пообщались и поняли, что нашли друг друга. Да, Игорь — представитель иного, малознакомого мне мира, человек необычный и сложный. Но кто из нас прост, если разобраться? Приходится считаться, что все люди разные, но я рад, что Крутой появился в моей жизни. Вне зависимости от совместного проекта. Было любопытно соприкоснуться с попсой, понаблюдать за нравами этой ярмарки тщеславия. Даже публика на

концерты приходила совсем иная. У меня все-таки другая аудитория, пафосных и гламурных особ обычно вижу с большого расстояния, а тут они сидели в партере, в шаговой доступности. Забавно было посмотреть. Главное — глубоко не погружаться. Впрочем, подобное мне и в голову не приходило. Зачем? Это чужое, не мое. Я ведь воспитывался совсем иначе. В списке добродетелей папа с мамой на первое место ставили скромность, учили не досаждать окружающим своим присутствием. Сами всегда так жили, вели себя до неприличия тихо и неприметно и от меня требовали того же. В детстве жизнь крепко меня побила, и в какой-то момент я закрылся, спрятался в ракушку и выбираюсь из нее крайне неохотно. С одной стороны, отстраненно глядя на ситуацию, отдаю отчет, что представляю собой на оперной сцене, искусственным уничтожением не занимаюсь, с другой — помню слова Фаины Раневской, сказавшей, что талант, как бородавка: может выскочить на любом месте. С самокритикой у меня полный порядок, поверьте... Помню, как-то прочел стихотворение, на которое сильно тогда обиделся. Дословно уже не процитирую, но общий смысл такой: ангел, пролетая в небе, отправил божий дар на землю, но тот угодил на сибирский пенек. Так на свет появился Хворостовский. Не отношусь к себе подобным образом, хотя часть правды в этих словах есть. Долго считал чуть ли не святой обязанностью бесплатно петь в России, дал множество благотворительных концертов, но с конца 90-х отказался от этой практики. В стране появилось достаточно богатых людей, пусть раскошелятся за удовольствие! Думаю, это справедливо. Конечно, у продюсера задача простая: снять максимальный барыш, сделать кассу на имени. Да, залы, как и раньше, полны, но я отдаю себе отчет, что прежнюю публику потерял, ту, что ходила на мои концерты лет двадцать назад. Ей не по карману билеты по нынешним ценам. Тем не менее я не забыл старых поклонников. Некоторые ведь шли не музыку слушать или пением наслаждаться, а искали избавления. Словно на службе в храме...

— **Вы сами-то хороший зритель?**

— Далеко не подарок. Жуткий непоседа! В театре больше часа спокойно усидеть не могу. Недавно был на генеральной репетиции оперы в Вене. Через короткое время дико заскучал. На то имелись основания: постановка оказалась невыносимо тоскливой. Чтобы как-то развлечься, принялся перешептываться с двумя знакомыми, пришедшими со мной, стал ерзать в кресле, крутить в руках мой BlackBerry, листать картинки на его экране... Закончилось тем, что противная австрийская дама громко сделала мне замечание. Вместо того чтобы достойно ей ответить, сказав все, что думаю о бездарной постановке, я зажал рот руками и промолчал. Безусловно, это позитивное влияние Флоши. С ней определенно меняюсь в лучшую сторону. Хотя и раньше в критических ситуациях прибегал к универсальному способу, позволявшему избежать скандала: набирал полный рот воды и терпел. Помогало!

Конечно, характер у меня не сахар. Не умею просить прощения, практически никогда не признаю ошибки. Оправдываю себя тем, что такова защитная реакция организма. Думаю, все настоящие артисты — люди без кожи. Всякий раз страшно переживаю перед выходом на сцену. По молодости был нагл и самоуверен, а теперь без конца рефлексирую. По обыкновению, сильнее всего достается самым близким, тем, кто постоянно рядом. Они не ходят, а летают. Знают: лучше не мешать и под горячую руку не попадаться. Что делать? Такая судьба! Ставки очень велики: чем выше поднимаешься в гору, тем труднее дается каждый последующий шаг, возрастает риск посыпаться вниз, к самому подножию. Парадокс в том, что покоряешь очередную высоту и думаешь, будто оседлал вершину мира, а потом смотришь по сторонам и видишь: соседняя горка, оказывается, повыше и до нее еще шагать и шагать... С одной стороны, здорово, что предела

совершенству нет, с другой — постоянные волнения, тесты на профессиональную состоятельность и мастерство выматывают. Это сказывается и на физическом состоянии. Начинается недомогание, разные болячки вылезают. Чувствуешь вялость, апатию, обзленность, раздражение. Все от нервов!

Постоянно в себе сомневаюсь, ни в чем не бываю уверен на сто процентов, там, где большинство людей с радостью соглашаются, предпочитаю отказаться. Первое слово, которое говорю в ответ на любое предложение, обычно бывает не «да», а «нет». Так вот и живу... Себя ведь не переделаешь. К примеру, Игорь Крутой — здоровый авантюрист по натуре, не боится бросать вызов судьбе, а я сначала в страхе все отпихиваю, а потом анализирую, обдумываю и осторожно даю добро. Мне нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью, примерить на себя что-то новое. Очень не люблю обижать людей, хотя иногда приходится проявлять твердость. Сколько раз Пласидо Доминго звал в Вашингтон, но я не пел в тамошней опере и не буду. Как, скажем, и в Лос-Анджелесе. Что мне там делать? В провинциальных театрах не выступаю. Это принципиально. Времени мало, жизнь слишком коротка.

Я вот в ноябре шесть раз выходил на сцену Венской оперы в «Риголетто», публика принимала хорошо, зал был полон, но если спросите, испытал ли чувство удовлетворения, отвечу: нет. После этой же роли в «Ковент-Гарден» считаю, что в Вене сделал шаг назад. С другой стороны, в апреле я пел в «Штаатсопер» «Риголетто», и мне было гораздо тяжелее, чем сейчас. Все познается в сравнении. Теперь могу экономить, пою процентами, не выкладываюсь на полную силу, и это хорошо. Значит, есть резерв. А весной рвал жилы, вылезал из кожи и не чувствовал запаса прочности. В начале года у меня был затяжной кризис. Настолько серьезный, что думал: все, конец карьеры. Вроде бы видимой причины для такого состояния не было, но прихватило серьезно. Вдруг навалилось! Месяца два или даже три не мог выкарабкаться. Уверенность пропала напрочь, панически боялся сцены. Будь моя воля, сбежал бы на край света, забился в угол, лишь бы не видеть никого, не петь ничего. Мы начинали этот разговор с вопроса, страшно ли было прыгать с борта самолета в бездну. Так вот: в минувшем январе и феврале сцена пугала меня еще сильнее. Словно летел в пропасть и знал, что за спиной нет парашюта. Самый трудный концерт выпал на Монреаль. Переполненный зал ждал моего выхода, а я заперся в гримерке, сидел там и не хотел никуда идти. Мучительные минуты! Отправился на сцену, как на плаху, как на погибель... Не дай бог еще раз пережить подобное! Ужасно, что в тот вечер Фло не оказалось рядом. Как назло! Даже поддержать из родных и близких было некому. Метался один. Жена прилетела в Вашингтон, когда меня чуть-чуть отпустило...

Такое периодически случается в нашей профессии. К счастью, меня накрыло, когда я уже стал опытным и зрелым певцом. Если бы произошло раньше, не знаю, сумел бы выбраться или нет. Совсем не факт! В яму-то угодила глубокую. Повторяю, прежде ничего похожего со мной не бывало. Тут целый комплекс причин: смена репертуара, возраст, другие проблемы... Не обо всем хочется говорить вслух. Кризис, который обычно бывает у мужчин в сорок лет, я благополучно миновал, усиленно тогда работал над собой, делал все, чтобы стать сильнее и мудрее. Мне это удалось. Я изменил отношение к жизни, начал стабильнее, чище петь. А вот ближе к пятидесяти годам не уберегся. Очень сильное потрясение! Но, скажу еще раз, такое может приключиться с каждым, весь вопрос в том, как выйти из передраги. Важно сделать правильные выводы. Я решил вышибить клин клином, сознательно пошел на «Риголетто» в Лондоне и Вене, чтобы на этой страшной партии выбраться на новый уровень.

Перелом к лучшему случился не сразу, но от спектакля к спектаклю я карабкался наверх. Как говорит мой педагог из Красноярского института искусств Екатерина Иофель, под рубашкой не видно, но было очень трудно, я уходил за кулисы и буквально валился с ног в полном бессилии. В этот момент Флоша уже была рядом. Если бы не она, наверное, сломался бы, найдя легкий способ убежать от проблем, забыться. Но я дал слово держать себя в руках, не поддаваться минутной слабости и не могу нарушить обещание, обмануть жену. Наоборот, буду делать все возможное, чтобы Фло гордилась мною. Всегда! Я ведь даже с парашютом прыгал не только ради преодоления собственных страхов, но и чтобы показать любимой: могу, я все могу! Хотя, строго говоря, не имел морального права это делать. Безответственный шаг! Слишком много людей от меня зависит, чтобы столь безрассудно рисковать жизнью. С другой стороны, никто не знает, что и когда способно погубить человека. Кирпич может прилететь, самолет упасть, сердце подвести — и нет бедаги... Я почему-то рвусь в высоту, а вот горы терпеть не могу. Фло ни разу не удалось вытащить меня в Альпы, хотя раньше она каждую зиму каталась на лучших горнолыжных курортах. А как иначе, если девушка выросла в Швейцарии? Тамошние жители сразу с лыжами на ногах на свет появляются. Вот на какую жертву Флоша ради меня пошла: одиннадцать лет на лыжи не вставала... Мы же обычно на море отдыхаем, на море. Еще бы я с аквалангом с удовольствием нырнул, но тоже нельзя — из-за слабых ушей. Врачи советуют и летать реже, но как это сделать при плотном гастрольном графике? — Найдете в нем время для концерта при выключенном свете, о котором давно мечтаете? Забудьте об этом! Сто лет назад обмолвился в разговоре с кем-то из ваших коллег, что хотел бы как-нибудь спеть в темноте и укрыться от испытующих взглядов из зала. С тех пор этот вопрос гуляет следом за мной по миру: куда я, туда и он. Давайте уже поставим точку: нет у меня такой мечты! Если бы действительно было желание, давно спел бы. Как с парашютом: сказал — и прыгнул.